

© 2012 г.

Константин Микульский

член-корреспондент РАН

доктор экономических наук, профессор, советник РАН

директор Международного научно-исследовательского института
социального развития

(e-mail: socpol@mail.ru)

РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА БЛОКИРУЕТ ПРОГРЕСС СТРАНЫ

Россия подошла к рубежу, когда власть, элита, общество должны уяснить, готовы ли они продолжать жить в прежних условиях – в условиях охваченной перманентным кризисом асоциальной общественной системы, которая будет неуклонно разлагаться, либо они решатся пойти навстречу требованиям благополучного будущего страны. Правда, ответ на этот вопрос опасно затягивается.

Ключевые слова: В. Путин, асоциальная общественная система, бюрократический капитализм, интересы элиты и общества, реформаторы.

Печальный исторический опыт Советского Союза-России пополнился в конце XX – начале XXI века реализацией еще одной модели общественного устройства, несущей в себе глубокие социальные противоречия, блокирующей прогресс, обрекающей страну на сохранение отставания от развитых стран мира, на разложение человеческого капитала. Так случилось, что главную роль в доработке, более полной реализации и в попытках закрепления общественной системы, основанной на этой модели, сыграл и играет В. Путин. Он продолжает играть эту роль, несмотря на то, что нынешняя система стала капканом для России и сам Путин уже стал в какой-то мере признавать ее пороки и даже намекать на готовность к переменам. Несмотря и на то, что в различных слоях общества недвусмысленно высказываются пожелания на «обновление Путина».

Однако нельзя отрицать и того, что российская элита рассматривает сохранение системы как главное условие собственного благополучия. Эта система существует, поскольку все ее пороки – выражение интересов и естественный режим существования постсоциалистических ново-старых господствующих социальных групп. Ее главные черты – бюрократический капитализм, приватизация государства, экстремальные масштабы обогащения господствующих групп (называемых у нас элитой) и экстремальная имущественная дифференциация населения, сословные привиле-

гии элиты и произвол бюрократии. Эта система препятствует России пойти по пути создания эффективной экономики, правового государства, социально благополучного общества.

В политике российской элиты сочетаются:

- во-первых, неизменный стратегический курс на сохранение сложившейся асоциальной общественной системы, главным бенефициарием пороков которой эта элита является;
- во-вторых, иногда тактика социально-политического маневрирования, служащая смягчению или маскировке острых противоречий между интересами элиты и общества, но ограниченная стремлением минимизировать изменения в общественной системе, допускать их лишь в той мере, в какой элите приходится корректировать систему ради продления ее существования;
- в третьих, затягивающийся на многие годы поиск подходов к решению конкретных общественных проблем, неопределенность, переменчивость и неэффективность этих подходов, обусловленные блокирующим влиянием интересов элитных групп.

Главная задача, которую ставит перед собой элита – сохранение нынешней общественной системы – резко сужает возможности государства конструктивно реагировать на потребности общественного развития, адаптироваться к меняющейся ситуации, обрекает на низкую результативность любые меры государственной политики. Это относится и к вынужденному социально-политическому маневрированию. Правящая элита стремится исключить любую возможность альтернатив существующей системе. Даже когда приходится к какой-то мере учитывать реформаторские требования, постоянно ощущается стремление «компенсировать» эти шаги новой неуступчивостью.

Сегодня российская асоциальная общественная система пришла в такое состояние, когда ее жизнеспособность подрывается как мерами, частично смягчающими некоторые пороки системы, так и мерами, направленными на консервацию системы, прежде всего путем ужесточения политического режима. Несмотря на то, что правящая группировка изредка прибегает к либеральной риторике, она до сих пор не готова рассмотреть возможность своего существования в более либеральной политической системе. Сохраняется нерешенность жизненно важных проблем общественного развития, появляются новые проблемы, но у государства еще более сужаются возможности их решения в силу не столько ресурсных, сколько политических ограничений, которые накладывает на себя власть.

Становится все более очевидным драматизм положения правящей элиты, в которой начинает складываться понимание исторической обреченности существующей системы при полной неготовности к ее смене. Правда, еще недавно преобладала вера в возможность относительно стабильного существования системы на протяжении десятков лет, что вполне удовлетворяло элиту, не ориентированную на рассмотрение более отдаленного будущего. Напомню, что еще недавно Д. Медведев вполне допускал, что порядок назначения (а не выборов) губернаторов сохранится по меньшей мере лет сто. Такая уверенность могла появиться только в условиях, когда для элиты немыслимо существование без эксплуатации пороков системы и когда отсутствуют адекватные представления об остроте проблем современного российского общества и о социальных последствиях неспособности государства решать их. Власть не извлекла уроков из просчетов советской номенклатуры и не уяснила себе, что нынешний политический режим опасно близок по многим своим чертам к советскому политическому режиму, которые предопределили его крах, и к тому же более уязвим вследствие хотя бы большей возможности критического настроения общества.

Итоги двадцати лет путинского правления стали очевидным свидетельством неспособности построенной им асоциальной общественной системы и ее политического режима служить прогрессу страны. Процесс стагнации, а во многих аспектах деградации страны в эти годы продолжался. Этот вывод невозможно опровергнуть ссылками на возобновление экономического роста и повышение жизненного уровня населения. Наблюдавшиеся позитивные сдвиги произошли главным образом в силу тех факторов (особенно благодаря динамике цен на топливно-энергетические и некоторые другие виды сырьевых ресурсов), которые складываются почти независимо от российской экономической политики и страна лишь пассивно пользуется ими. Развертывающийся в мире переход к новому технологическому укладу почти не затронул Россию. Сама потребность в нем в нашей стране носит в основном абстрактно-теоретический характер и не стала движущей силой развития экономики.

Сиюминутная ситуация в российской экономике затрудняет понимание вполне реальных угроз, нависающих над ней. С одной стороны, в текущем, краткосрочном периоде нет проблем взрывного характера, но, с другой стороны, идет процесс накопления таких противоречий, которые способны подорвать долгосрочное развитие экономики и устойчивость

социальной ситуации. Страна не готова к предотвращению обострения жизненно важных перспективных проблем. Имеющийся определенный запас прочности в российской экономике на краткосрочную перспективу может быть быстро исчерпан. Уже вырисовываются как вполне реальные угроза появления существенного бюджетного дефицита, необходимость пересмотра заявленных больших социальных обязательств государства, обострение проблем нерентабельности экономики. Отсутствует прогресс в деле структурной диверсификации и модернизации народного хозяйства. Вообще налицо угроза подрыва возможностей поддержания расширенного воспроизводства.

Не только в Европе, но и в России актуальна задача соблюдения государством и всем обществом объективного требования «жить по средствам», а это особенно сложно с учетом того, что достигнутый в нашей стране рост жизненного уровня «построен на песке». Ведь инвестиционные и потребительские ресурсы формируются в значительной мере благодаря извлекаемой на внешнем рынке природной ренте, а не благодаря национальному труду, создающему добавочную стоимость.

Для судеб страны очень важно, что крупный, а сейчас частично и средний капитал сокращает свою связь с российской экономикой, приобретает офшорный характер. Государством были целенаправленно сформированы условия для эмиграции капитала, перекачки за рубеж прибылей российских компаний и доходов физических лиц. Главную роль играли при этом не соображения экономической привлекательности вложений за рубежом, а стремление российского капитала, прежде всего бюрократов-олигархов, оторваться от российских реалий, снизить налоговую нагрузку и – что, видимо, наиболее существенно – обезопасить себя в случае перегруппировки политических сил в верхах власти и социальных потрясений.

Во второе десятилетие XXI века страна вступила не подготовленной ни к технологическим вызовам современности, ни к перспективам усиления социальной напряженности, ни к возможной новой волне мирового экономического кризиса, ни даже к существованию в рамках ВТО.

Последние месяцы характеризовались нарастанием угроз для асоциальной общественной системы и ее политического режима. Система не готова конструктивно реагировать ни на формирующиеся новые запросы креативных и продуктивных слоев общества, ни на насущные низкоудовлетворяемые потребности бедных и иных социально уязвимых групп населения. Нынешняя динамика политических процессов весьма противоречива.

Мало ожидавшийся, по существу внезапный всплеск протестных настроений, наступившая затем растерянность власти и ее столь же неожиданное показное частичное признание необходимости демократических перемен сменяются наступательной антидемократической политикой. Следует ожидать, что в ближайший период власть будет стремиться не просто отбросить ситуацию на пару лет назад, а создать новую, ликвидируя любые возможности оппозиционных движений. В этом своем стремлении власть может зайти достаточно далеко. Возможности противодействовать этому в обществе весьма ограничены. Но реакционный разворот в конечном счете лишь углубит противоречия российского общества.

Власть не может себе позволить пойти на реальную демократизацию, не без оснований полагая, что она была бы губительной для нее. Сложившиеся сегодня жизненные интересы элиты не совместимы с изменением общественных отношений и политического режима, с оздоровлением общества. Вместе с тем нерешенность общественных проблем несет с собой огромную опасность для элиты.

Оценить ближайшие перспективы системы трудно. С одной стороны, сохраняется политическая пассивность основной массы населения, что пока вполне уживается с нарастанием критического отношения к власти. С другой стороны, в этой в основном пассивной массе таятся возможности стихийного социального взрыва с непредсказуемыми последствиями. Хотя власть стремится найти и организовать среди массовых слоев населения группы морального и силового давления на оппозиционное движение, она не может рассчитывать на готовность народа защищать ее.

Проблемы несистемной оппозиции и системной квазиоппозиции заслуживают отдельной статьи. Здесь отмечу лишь, что реальной эффективной оппозиции как крупной общественной силы, способной кардинально изменить развитие событий, пока не существует. Налицо и самоотверженность, и оппортунизм; и стремление к консолидации, и преобладание раскольнических тенденций; и кристаллизация стратегии последовательной борьбы, и надежды на компромисс с властью, и, может быть, чрезмерный радикализм, и надежды заработать «местечко» в системе. И тем не менее складывается впечатление, что репрессивный напор против оппозиции породит в конечном счете реальный отпор и будет вести к еще большей делегитимизации власти. Власть может спровоцировать авангардные – политические, интеллектуальные и моральные – общественные группы к перерастанию в общем-то терпимого для власти протестного

движения в реальное сопротивление, к выходу его за правовые барьеры, устанавливаемые властью. Хотя власть все еще располагает сегодня значительными возможностями общественного компромисса, особенно с учетом умеренности несистемной оппозиции, приходится констатировать, что она уклоняется от использования этих возможностей. В связи с последними событиями в российской жизни все более актуализируется не только задача защиты прав граждан оппозиционными и правозащитными движениями, но и проблема самозащиты общества в целом от произвола власти и господствующих групп элиты вообще.

Видимо, потенциал общественных сдвигов сосредоточен сегодня прежде всего в части средних и верхних слоев общества. Они выбиваются из «вертикали власти», которая оказалась к тому же весьма специфичной. Ей присуща прежде всего значительная автономия интересов различных уровней власти, различных слоев социально-политической obsługi верхушки элиты. На средние и верхние слои влияют не столько нарастание неприятия обществом пороков системы, сколько появление ощущения возможности сдвигов в соотношении политических сил и понимание необходимости вовремя сделать «разумный» выбор. В различных элитных группах появляется стремление (особенно под влиянием наблюдаемых иногда социально-политических маневров власти, ее колебаний при проведении репрессивной политики) искать новые формы и пути реализации своих интересов при возможном ослаблении жесткости системы. Но у другой части элиты не менее очевидно представление о том, что «либеральное» маневрирование даже при всей его иллюзорности ослабляет систему и что лишь жесткий курс может спасти ее.

И у Путина очень сильна мотивация к сохранению порочной общественной системы – в силу его мировоззренческих представлений, политических пристрастий, личной заинтересованности, его психотипа. Эта мотивация подкрепляется солидарностью с элитой, развращенной системой, и зависимостью от нее. В то же время вряд ли В. Путин лишен понимания, что растущее удовлетворение своекорыстных интересов элиты не просто ведет к блокированию прогресса общества, но и порождает угрозы самой элите не только из-за углубления ее разрыва с населением, но и вследствие возможности противоречий между основной частью элиты и той ее частью, которая способна в той или иной мере связывать свои перспективы с прогрессивным развитием страны.

Сегодня В. Путин еще имеет возможность использовать сохраняющуюся адаптированность большинства населения к его режиму, крайне ограниченную способность общества к сопротивлению государственному

произволу, пока имеющуюся возможность опираться преимущественно на свой административный, а не силовой ресурс. Говоря абстрактно, сегодня у Путина есть и другая возможность – навязать элите компромисс между ее паразитическими интересами и потребностями прогресса страны, попытаться консолидировать общество не путем его мобилизации на оголтелую борьбу с демократическими и либеральными течениями, а на основе решения задач развития страны, ее осовременивания. Если Путин не использует такой вариант, рано или поздно найдутся силы, которые начнут его реализовывать без Путина. Вполне допускаю, что «обновленный Путин» мог бы, хотя и не сразу, получить более реальную и более консолидированную поддержку общества, чем Путин нынешний. Можно также полагать, что та часть российской элиты, которая не ослеплена своими сословными привилегиями и в какой-то мере рассматривает себя как часть общества, не считает привлекательным располагаться на полицейских дубинках, хотя это и удобнее, чем сидеть на штыках.

В составе элиты есть малочисленная и не типичная для нее часть, которая, хотя и с оговорками, может рассматриваться как реформаторская. В целом положительная ее оценка не освобождает от констатации противоречивости ее положения. Включенные в систему такие реформаторы в той или иной мере способны в ряде случаев уберечь общество от некоторых провалов политики государства, предложить рациональные принципы и пути решения отдельных общественных проблем. Распространенная во власти и обществе, зачастую очень резкая критика их позиции как либеральной и т.п. во многом не обоснована ни с точки зрения реальности их либерализма, ни с точки зрения объективных возможностей и потребностей общества. В свете этих потребностей к либерализму, будь то в экономике, будь то в политике, к обновленному либерализму, учитывающему социальные критерии, но и побуждающему человека к активизации его экономического поведения, создающему условия для более продуктивной деятельности на всех уровнях общества, в будущем придется обратиться еще не раз. Да и вообще стабильность любой общественной системы в значительной мере обеспечивается механизмом маятника при условии его умеренного размаха.

Иногда даже включенные в систему реформаторы способны войти в противоречие с некоторыми правилами и интересами асоциальной системы, руководствуясь желанием найти оптимальные варианты развития общества. Реформаторы могут ограничить проявление отдельных пороков системы, но вопрос заключается в том, может ли смягчение лишь отдельных пороков системы повлечь за собой накопление предпосылок ее

преодоления либо лишь продлит ее существование. До тех пор, пока такие реформаторы не решатся выйти за рамки системы, несомненно, при этом лично рискуя, они не смогут кардинально повлиять на развитие общества в направлении его оздоровления. Но в той мере, в какой они смогут преодолевать как боязнь общественных потрясений в ходе реформирования системы, так и клановую солидарность, они смогут сыграть очень важную, а может быть, даже ведущую позитивную роль в определении судеб страны. Эта их роль либо проявится в относительно близком будущем, либо они не сыграют ее никогда.
